

А. Скабический в своей книге «Беллетристы-народники» дал превосходный, написанный с глубоким чувством очерк жизни и деятельности Левитова; в очерке этом сообщены как идиллические черты детства Левитова, так и история ужасных лишений, которые ему приходилось переносить позднее.

Глеб Успенский (1840—1902) значительно отличается от всех предшествовавших писателей. Он представляет сам по себе отдельную литературную школу, и я не знаю ни одного писателя во всемирной литературе, с которым можно было бы его сравнить. Собственно говоря, его нельзя также отнести и к области чистой этнографии или демографии, так как в них наряду с описаниями, относящимися к области народной психологии, вы встречаете все элементы повести. Первыми его произведениями были повести, в которых видна склонность к бытовой, этнографической окраске. Так, в повести «Разорение» Успенский чрезвычайно талантливо изобразил, как рушится вся жизнь маленького городка, процветавшего при крепостном праве, теперь, когда это право уничтожено; но в его позднейших произведениях, почти исключительно посвященных изображению деревенской жизни и написанных, когда его талант достиг полной зрелости, преобладает этнография, и они кажутся скорее этнографическими очерками, написанными талантливым беллетристом, чем повестями в собственном значении этого слова. Обыкновенно они начинаются как повести: пред вами появляются различные типичные личности, и вы постепенно начинаете интересоваться их деяниями и их жизнью. Более того, автор не поет эти личности, так сказать, наудачу, это не записи в путевом дневнике этнографа, — напротив, действующие лица выбраны автором как типичные представители тех сторон деревенской жизни, которые он намеревается изобразить. Но Успенский не удовлетворяется простым ознакомлением читателя с действующими лицами его произведений; он вскоре начинает обсуждать их самих и говорить о положении, которое они занимают в деревенской жизни, и о влиянии, которое они могут оказать на будущее деревни. Заинтересовавшись уже выводимыми личностями, вы с удовольствием читаете и эти рассуждения автора о них. Но вот вслед за рассуждением автор дает какую-нибудь превосходную сцену, по художественности не уступающую сценам в романах Тургенева и Толстого; но после нескольких страниц, посвященных такому художественному творчеству, Успенский снова превращается в этнографа, рассуждающего о будущности деревенской общины. В нем слишком много черт публициста, чтобы он мог думать всегда образами и сохранить позицию беллетриста. Но в то же время отдельные факты, входившие в сферу его наблюдения, производили на него такое впечатление, что он не мог хладнокровно обсуждать их, как это сделал бы присяжный публицист. Впрочем, несмотря на эту смесь публицистики с беллетристикой, благодаря крупному таланту автора вы читаете произведения Успенского, как если бы они были выдающимися беллетристическими произведениями.

Всякое движение среди образованных слоев общества, направленное к благу беднейших классов, начинается идеализацией последних. Ввиду того, что прежде всего необходимо бывает рассеять предубеждения против бедняков, которые существуют среди богатых, некоторая идеализация неизбежна. Поэтому наши ранние беллетристы-народники выводили только наиболее выдающиеся типы, которых люди обеспеченных классов могли лучше понимать и которые должны были, наверное, вызывать к себе симпатию; по этой же причине они лишь слегка касались менее симпатичных черт в жизни бедняков. Подобное явление можно наблюдать в сороковых годах во французской и в английской литературе, а в России представителями этого направления были Григорович, Марко Вовчок и др. Вслед за тем явился Решетников, с его художественным нигилизмом, с его отрицанием всех обычных условностей, с его объективизмом, с его решительным отказом созидать «типы» и с его предпочтением к обыденному человеку толпы; с его манерой вдохновлять читателя любовью к народу путем глубоко затаенного собственного чувства. Позднее пред русской литературой возникли новые задачи.

Читатели были уже полны симпатии к отдельному крестьянину или рабочему, но они хотели расширить область своих знаний в этой области; они хотели знать, каковы осново-начала, идеалы, внутренние побуждения, руководящие жизнью деревни? Какова их ценность для дальнейшего развития народа? Что и в какой форме колоссальное земледельческое население России может дать для дальнейшего развития страны и всего цивилизованного мира? Подобные вопросы выходили за пределы простых статистических исследований; для разрешения их требовался гений художника, которому приходилось находить ответ в разрозненных фактах и явлениях жизни. Наши беллетристы-народники смело пошли навстречу этим запросам читателя. Богатая коллекция отдельных крестьянских типов была дана предшествовавшими художниками; теперь читатели хотели найти в беллетристике, посвященной изображению народной жизни, изображение жизни деревни, деревенского «мира», его достоинств и недостатков, указаний на ожидающую его судьбу. И на эти вопросы новое